

**ЕЖ В КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ
(БАЛТО-БАЛКАНСКИЙ АРЕАЛ)**

ДАЙНЮС РАЗАУСКАС

Журнал «Liaudies kultūra», Вильнюс

ТАТЬЯНА ЦИВЬЯН

Институт славяноведения РАН, Москва

Герой нашей статьи – еж в демиургических сюжетах, связанных с его внешними особенностями. При творении мира он выступает в качестве помощника Господа, давая ему совет, как уменьшить землю, чтобы небо могло ее накрыть. Еж показывает этот способ наглядно, сворачиваясь в клубок. Это этиологическая легенда о происхождении рельефа. Вторая особенность ежа – его иглы – также входит в сюжет творения мира, но реализует другие мотивы. Еж выступает то как хтоническое животное (нырлящик за землей, приносящий ее на своих иглах), то как солярное (и тогда его иглы становятся лучами солнца).

Еж, конечно, непрменный участник бестиариев, но там, как ни странно, его демиургическая роль не подчеркнута: она не более чем деталь его мифологического досье. Зато почти обязательно выделена его амбивалентность: он то помощник человека, то его враг. В александрийском «Физиологе» еж, на основании пророчества Исаяи, отнесен к числу нечистых животных: «...и будет земля его горящею смолою <...>. И завладеют ею пеликан и еж; и филин и ворон поселятся в ней; и протянут в ней вервь разорения и отвес уничтожения»¹. Ленинградский бестиарий, хранящийся в Российской национальной библиотеке, приводит ежа, который приносит детям виноград, накалывая его на свои иглы, в качестве положительного примера, призывая человека так же беречь свой «мысленный виноградник». В этом бестиарии утрачено символическое значение ежа, известное из ранних латинских версий: там еж, накалывающий виноград на свои иглы, уподобляется дьяволу, крадущему гроздь из виноградника человеческой души. Амбивалентность характеризует и ежа средневековых славянских бестиариев, где он обозначает то дьявола, опустошающего души людей, то человека, заботящегося о друзьях и детях, то завистливых и злобных людей, то добродетельного человека, которому не страшны

бесы². И в наших сюжетах еж очень легко заменяется дьяволом, причем это своеобразный персонаж: он и помогает недогадливому Господу, и пытается его обмануть (столкнуть с земли в океан и т. п.). География этого «демиургического ежа» чрезвычайно обширна: по янтарному пути он пропутешествовал от Балтии до Балкан (или от Балкан до Балтии), забрел к финским племенам русского севера (к вепсам) и добрался даже до Сибири, где неожиданно для всех (и, может быть, для себя самого) оказался в бурятском этиологическом мифе о происхождении разных племен. Так, у вепсов записаны следующие сюжеты³:

Бабушка-покоенка говорила, земли когда не было, было одно большое озеро, материушие [‘большой, огромный’], больше Белого. Из его надь землю наладить. А люди не жили ишию. Тоды приплыла материушиа ежиха – и ну на своём иголье землю носить. Носили-носила – такие как рёлки [‘песчаный нанос на дне реки, озера’] делались. На рёлках трава зарастала, кусты, дерёва, – всё как надо. Вот земля и сделалась. Земли-то больше стало, чем озера⁴.

Ежей в лесе мало нонь, а ежа надь сбергать. От ежей польза. Старики гуторили, быдто от ежей земля. Материуший ёж был, он песку и глины носил иголками. Ему ежиха пособляла и ежонки. Насыпали они земли целу гору, а потом птицы летали, её носили⁵.

В бурятской версии космологического предания о земле и небе, еж (или некий персонаж с «ежиными признаками») также появляется в качестве чудесного помощника, но в несколько ином сюжете. Речь идет не о возникновении рельефа, а о происхождении двух племен, западных хатов и онгонов. Предание построено на конфликте между божествами Неба и Земли: суть его заключается в том, что *Terra Mater* «Широкая земля» завладела солнцем и луной, и в мире стало темно. «Высокое небо» попадает в затруднительное положение, зовет на помощь ежа, тот отказывается дать совет (из-за нанесенной ему обиды), но одному из «курьеров» небесного Бога, зайцу, удается подслушать, что говорит еж самому себе. В результате светила возвращаются на небо, а осмеявшие ежа дети высокого Неба несут наказание и низвергаются на землю, становясь прародителями двух племен. Смеются над ежом из-за его вида: у него нет ног, и он не идет, а катится по земле (ср. рус. *ежик – ни головы, ни ножек*): так вводится мотив катящегося клубка⁶.

Географическая и фольклорно-мифологическая пестрота космогонических сюжетов о еже, появляющихся в самых неожиданных точках пространства (и мы почти уверены, что материал далеко не исчерпан), сама по себе является основанием для включения этих сюжетов в контекст «перекрестков культур». Но, конечно, сразу же напрашивается следующий шаг: источник, «перво-локус», первое появление ежа-демиурга. Где оно было?

И здесь мы переходим к другой доминанте объявленной на конференции темы – этноконфессиональной. Следует напомнить, как этот сюжет был впервые введен в научный оборот. Речь идет о той версии балканской космогонии, которая традиционно связывается с богомильской традицией, сплавленной с фольклором; она известна по средневековым южнославянским и восточноро-

манским легендам, датируемым XII–XIII вв. Богомильская (манихейская) основа определяет дуализм, на котором построен сюжет: контакт и конфликт злого и благого начала. Господь и дьявол создают мир вместе, но первоначальное сотрудничество нарушается кознями дьявола, кончающимися его поражением. Поскольку, как уже было сказано, еж может заменяться дьяволом, наш сюжет, по мнению исследователей (прежде всего Й. Иванов), естественным образом вписывался в богомильство. Однако с этим был решительно не согласен Мирча Элиаде. Приведя географию легенды, он подверг сомнению ее богомильское происхождение. Во-первых, этот миф не входит ни в один богомильский текст. Во-вторых, он не засвидетельствован ни в Сербии, ни в Боснии и Герцеговине, при том что Босния вплоть до XV в. была важным богомильским центром. Далее М. Элиаде показывает нам причудливую мозаику, сложенную по следующему принципу: там, где манихейские течения были (например, катары в Западной Европе), этого мифа нет; напротив, где манихейских течений не было (Украина, Россия, Балтия), он есть. Из этого Элиаде делает вывод (правда, с вопросительным знаком), что перед нами дуализм не богомильский, а «славянский»⁷.

В Литве этиологическая легенда о том, как еж посоветовал Богу сжать землю, чтобы небо могло ее накрыть, засвидетельствована только в одном случае, записанном в северо-восточной части страны, в Зарасай:

Kai Dievas tvėrė dangų ir žemę, sutvėrė pirma žemę, o paskui dangų. Dirbo nepamieravęs ir kai norėjo dangum apvožti žemę, tai dangus buvo kur kas mažesnis už žemę. Ir nėra kas daryti Dievui: nei kitas dangus dirbtį, nei šitas padėt. Tai Dievui patarė ežys: „Paimk, – sako, – žemę, sumyk, tai ji susispaus, pasidarys mažesnė, ir bus gana dangaus“. Paklausė Dievas ežio ir žemę pamygo rankose. Nuo pamygimo žemėj pasidarė nelygumai – kalnai. Bet užtat užteko dangaus žemei apvožti. Ir tada sujungė Dievas dangų su žeme. Ežiui už gerą patarimą davė Dievas geras adatas apsiginti nuo priešių»⁸ LTR 2115(63) ‘Когда Бог творил небо и землю, сначала сотворил землю, а потом небо. Работал без мерки и, когда хотел небом накрыть землю, небо было намного меньше земли. Что делать Богу: ни другое небо сделаешь, ни это поставишь. Тогда Богу посоветовал еж: «Возьми, – говорит, – землю, стисни, так она сожмется, станет меньше, и будит неба достаточно». Послушался Бог ежа и стиснул землю в руках. От стиска на земле появились неровности – горы. Но зато хватило неба, чтобы землю покрыть. И тогда соединил Бог небо с землей. Ежу за хороший совет дал Бог хорошие иглы, чтобы от врагов защититься’.

Бронислава Кербелите отмечает отличие Господа из литовского предания, из архаических народных традиций, от библейского Творца, конечно, не нуждавшегося ни в каких советах и помощниках⁹. Так еще раз подтверждается мысль Элиаде о *deus otiosus*, высказанная им и в связи с латышским сюжетом, который он пересказывает, ссылаясь на Денхарта:

Бог слишком растянул землю, и небесный свод не мог ее покрыть. Еж, который как раз проходил мимо, спросил у Бога причину его огорчения. Бог рассказал ему о своей космической неудаче, и еж его успокоил: «Ничего страшного, надо только немного сжать землю, и она поместится под небесным сводом». Сжав землю Бог создал

таким образом горы и долины. В награду он дал ежу одежду из иголок, чтобы ни один враг не смог к нему приблизиться¹⁰.

Приведем несколько оригинальных латышских записей:

Kad zeme bij radīta, tad – ko domāt – tā negājusi apakš debess velves. Kur nu tādu lielu ripu likt? Pašu laiku pienācis arī ezis, ievaicādamies: kas te par nelaimi īsti esot? Tā un tā – zeme būtu gatava, bet nevar apakš debess apaļuma pabāzt un nost skaldīt arī netiktos. „Tā maza lieta!“, ezis atteicis, „ripa jāspiež drusku kopā, šaurāka, gan tad derēs.“ Labi! Dievs tūliņ saspiedis ripu mazāku un nu viegli jo viegli pabāzis apakš debesīm. Tikai, kopā spiežot, vietām krunkas gadījušās: tie ir tagadējie kalni un lejas. Bet Dievs par tādu gudru galvu ezim dāvinājis varenu apgērbu no tīrām adatām, lai neviens uzbrucējs viņam netuvotos¹¹ ‘Когда была создана земля, – подумать только! – она не подходила под небесный свод. Куда же такую большую лепешку девать? В самое время подошел еж и спросил, что за беда? Так вот и так – земля была бы готова, но не подходит под небесный колпак, а и куски отбивать не годится. «Пустяки!, – ответил еж, – лепешку надо немножко стиснуть, чтобы стала уже, тогда подойдет.» Так! Бог сейчас же стиснул лепешку поменьше и совсем легко подsunул под небо. Только когда он сжимал, местами появились складки – они и есть теперешние горы и долины. А ежу за такой ум Бог подарил мощные одежды из сплошных игл, чтобы никто не мог на него напасть’.

Senos, vecos laikos, kad Dievs bija radījis zemi, tad pašam zemes radītājam bija lielas bēdas, jo zeme bija iznākusi vairāk nekā viņš to bija vēlējis. Nu Dievs prātoja, ko darīt ar lieko zemi? Tā prātojot, pienāca klāt ezis un jautāja: „Ko nu, Dieviņ, tā prāto, pieri saraucis?“ Dievs nu šim izstāsta, ka zeme esot iznākusi vairāk nekā viņš to ir vēlējis. Tad ezis sacīja uz Dievu: „Zini ko, es tev varu dot labu padomu šajā lietā!“ Dievs priecīgi iesaucās: „Nu, kādu?“ Ezis teica: „Ņem no vienas vietas zemi un ber izrakto zemi otrā vietā gubās“. Dievs ļoti priecājās par eža gudro padomu un darīja, kā ezis bija mācījis; un nu radās jūras un kalni. Dievs sacīja uz ezi: „Par šo gudro padomu kā atalgojumu es tev došu zelta spalvas“. Bet ezis tam atbildēja: „Es neesmu tik lepns kā tu un nevēlos zelta, bet dod man kažoku ar adatām, kas man var noderēt kā aizsargs pret ienaidniekiem“. Dievs iedeva ezim kažoku ar adatām, ko eži vēl šo baltu dien' valkā¹² ‘В старые давние времена, когда Бог только что сотворил землю, у самого творца земли возникла большая беда, так как земля получилась больше, нежели он хотел. Вот Бог и думает, что же делать с такой большой землей? В это время подошел к нему еж и спрашивает: «О чем же, Боже, так думаешь, лоб сморщив?» Бог ему и рассказал, что земля получилась больше, нежели он хотел. Тогда еж говорит Богу: «Знаешь что, я тебе могу дать хороший совет в этом деле!» Бог радостно воскликнул: «Какой же?» Еж сказал: «Возьми земли с одного места и высыпь выкопанную землю в другом месте в кучи». Бог очень обрадовался мудрому совету ежа и сделал так, как его научил еж; так произошли моря и горы. Бог сказал ежу: «За такой мудрый совет в виде вознаграждения я дам тебе золотую шерсть». Но еж ему ответил: «Я не являюсь таким великолепным, как ты, и в золоте не нуждаюсь, но дай мне шубу с иглами, которая мне пригодится как защита от врагов». Бог дал ежу шубу с иглами, которую ежи носят и по сей день’.

Pirmajos laikos, kad Dievs jau bija radījis debesis, zemi un visus citus radījumus, tas allaž staigāja pa zemes virsu, sarunādamies ar saviem radījumiem. Tā reiz, zemi pārtstaigādams, tas ievēroja, ka zeme par lielu un visu nevarot viņa radījumi apdzīvot. Tas pārdomāja, kā zemi varētu pamazināt, jo jūrā gremdēt vairs negribēja, tādēļ ka jūra jau tā bija diezgan liela. Tā domādams un lēni iedams, tas satika ezi, kam toreiz bija viscaur vēl tāda mīksta, pelēka spalva, kā tagad zem vēdera. Dievs izstāstīja savas domas ezim, tam

padoma prasīdams. Ezis teica: „Zemi vajaga saraut kroķēs – t. i., kalnos!“ – tad tā tikšot mazāka. Šītais eža gudrais padoms Dievam labi patika, un tas arī tā darīja: zemi sarāva kroķēs, un tā cēlās kalni. Bet ežam par padomu Dievs solīja dot to, ko tikai vien viņš pagērēšot. Ezis, grezns būdams, lūdza, lai Dievs dodot pelēko svārku vietā zelta svārkus. Dievs ezi paklausīja un dāvāja tam zelta svārkus, teikdams, ka arī no skaistuma daudz nelaimes ceļoties. Ezis bija iesākumā par saviem zelta svārkiem itin priecīgs, bet drīzi viņa prieki pārvērtās bēdās: jo nu visi cilvēki sāka gūstīt ezi zelta svārku dēļ, kur un kā tikai vien varēdami, – vienmēr tas bija dzīvības briesmās. Nabadziņam ežam vajadzējis slapstīties slepenākajās vietās, un arī tur tas nebija drošs. Šādu dzīvi apņicis, tas gāja pie Dieva lūgt, lai dodot atpakaļ vecos svārkus vai arī tādus, ka to neviens nevarētu aiztikt. Dievs viņa lūgumu paklausīja un teica: „Es tev došu tādus svārkus, ka tevi neviens neaizskars!“ – un dāvāja tam tagadējās adatas¹³ ‘В изначальные времена, когда Бог уже сотворил небо, землю и всех других тварей, он любил расхаживать по поверхности земли, разговаривая со своими тварями. Так один раз, расхаживая по земле, он увидел, что земля слишком велика, и ее всю никак невозможно его тварями обжить. Он стал размышлять, как же землю уменьшить, однако в море топить уже не хотел, поскольку море уже и так было достаточно велико. С этими мыслями медленно идя, он встретил ежа, который в то время весь был покрыт такими мягкими серыми волосами, какие теперь у него под животом. Бог рассказал ежу свои мысли и попросил у него совет. Еж сказал: «Землю нужно стянуть в складки – т. е. горы!» – так она станет поменьше. Этот мудрый совет ежа Богу очень понравился, и он так и сделал: землю стянул в складки, и так появились горы. А ежу за совет Бог пообещал дать все, что только он потребует. Еж, будучи щеголем, попросил, дай, Боже, вместо серого пиджака золотой. Бог послушал ежа и дал ему золотой пиджак, сказав при этом, что от красоты много несчастий происходит. Еж сначала своему золотому пиджаку был чрезвычайно рад, но скоро его радость превратилась в горе, так как все люди стали ловить ежа ради его золотого пиджака, где и когда только могли, – его жизнь постоянно была под угрозой. Бедняге ежу приходилось прятаться в самых укромных местах, но и там он не был в безопасности. Устав от такой жизни, он пошел к Богу просить, чтобы тот дал ему либо старый пиджак, либо такой, чтобы никто не смог бы его тронуть. Бог выслушал его просьбу и сказал: «Я дам тебе такой пиджак, что тебя никто не заденет!», и подарил ему теперешние иглы’.

В следующем сказании на месте ежа выступает *Velns*, Черт:

Senos laikos, kad zemes vēl nebijis, Dievs iedomājies taisīt zemi. Viņš taisījis to gludu un līdzenu bez kādiem uzkalniem, bet izrādījies, ka tā zemes materiāla ir par vairāk, visu nevarēs zemes bumbā izlietot un atliksies pāri, un nezinās, kur to likt. Tad pienācis Velns un mācījis: „Sagrūd zemi kroķēs. Tad ne pietrūks, ne atliks“. Dievs tā darījis, un viss zemei sagādātais materiāls izgājis. Bet uz zemes iznākuši kalni un lejas¹⁴ ‘В давние времена, когда еще не было земли, Бог задумал создать землю. Он сделал ее гладкой и ровной, без каких-либо холмов, но оказалось, что материала земли за много, всего [он] не сможет в клубке земли использовать, и останется лишнего, и он не будет знать, куда его девать. Тогда подошел Велнс / Черт и научил: «Стисни землю в складки. Тогда будет в самый раз». Бог так и сделал, и на это ушел весь заготовленный для земли материал. Но на земле появились горы и долины’.

При оценке правомерности появления здесь Черта, видимо, нужно иметь в виду то, что он и в других близких космогонических (этиологических) сказаниях выступает либо в качестве причины появления, либо непосредственно в роли создателя гор, скал, камней и неровностей земли вообще (в том числе

долин, рек, болот и т. п.); иногда Черт сжимает землю, собственноручно¹⁵. Таким образом, сопоставление ежа с чертом, по меньшей мере в контексте этого сюжета, никак не может быть случайным. Тем более, что черт и в литовском фольклоре иногда (напр., в LTR 350/252/) выступает в облике ежа¹⁶.

В большинстве указанных сюжетов с ежом речь идет о происхождении его игlistой шкурки. Об этом же говорится и сказаниях совершенно иного типа. Например:

Ežį Dievas sukūrė kaip ir kitus gyvulius ir davė jam labai švelnius plaukus. Ežys tais plaukais labai didžiavosi. Vieną kartą jis, eidamas pro eglę, įsidūrė į jos spyglius snukį, labai supyko ir pradėjo bartis ant Dievo. Paskum kreipėsi į eglę sakydamas:

– Kad tu turėtum tokius švelnius plaukus kaip aš, tai ir šakas aukščiau laikytum, o kad turi tokius aštrius ir negražius, tai ir laikai juos žemai nulenkus, kad praeiviai susibadytų.

Dievas supyko ant ežio ir sako:

– Kad tu taip pasididžiuoji savo švelniais plaukais ir pyksti ant tų, kurie turi aštrius plaukus, tai tu nuo šios dienos turėsi juos dar aštresnius kaip šios eglės spygliai!

*Nuo tos dienos ežys ir turi aštrius plaukus, už kuriuos, nuolatos kukendamas, ir barasi ant Dievo*¹⁷ 'Ежа Бог сотворил как и других животных и дал ему очень нежные волосы. Еж этими волосами очень гордился. Один раз он, проходя мимо ели, уколол об ее иголки морду, очень рассердился и стал ругать Бога. Потом обратился к ели и сказал:

– Если бы у тебя были такие мягкие волосы, как у меня, так ты и ветви держала бы повыше, а поскольку они у тебя такие колючие и противные, так ты и держишь их, низко опустив, чтобы прохожие укололись.

Бог рассердился на ежа и говорит:

– Раз уж ты так гордишься своими мягкими волосами и сердись на тех, у кого волосы колючие, так с этого дня они у тебя будут еще колючее, чем иголки этой ели!

С того дня волосы у ежа колючие, за что, непрерывно бормоча, тот и ругает Бога'.

Отметим, что здесь отношения ежа с Богом совершенно противоположны тем, что мы видели выше (что вообще соответствует его сопоставлению с Чертом¹⁸), и колючая шкурка ежа является не наградой, а наказанием (ср. при этом отношение рус. *волос* – *Волос*). Сравните выше уподобление ежа Дьяволу в других европейских, христианских традициях.

Нас занимает *янтарный путь* и то, как и насколько он объединял столь далеко отстоящие друг от друга и столь непохожие друг на друга в самых разных отношениях (и до весьма глубокого уровня) ареалы, соприкоснувшиеся друг с другом через *славянский* элемент, который, в свою очередь, исконно связан с *балтийским*.

В латышской сказке о соревновании зверей по бегу соперниками выступают заяц и еж – в болгарской традиции еж олицетворяет медлительность. В балканославянской традиции еж спасает землю от испепеления солнцем (препятствуя его свадьбе и рождению бесчисленных маленьких солнц). В литовской традиции тоже имеется солярный «ежиный» сюжет, в котором иголки ежа непосредственно приравниваются к солнечным лучам, а сам еж, следовательно, – к солнцу (ср. выше золотую шерсть или золотой «пиджак» латышского ежа, от которых он отказывается в пользу игл):

*Pradžioj gyvulėliai, kur katras pirmą naktį gulėjo, tokias vilnas ar plaukus ir įgavo. Ežys ant kalno pasistebėjęs į saulę tekančią žarutą – už tai ir jo dygliai kaip žarai*¹⁹ ‘В начале животные, кто где первую ночь лежал, такую шерсть или волосы тот и получил. Еж на горе подвинулся восходящему солнцу, всему в лучах, – поэтому и его иглы как лучи’.

*Pradžioj, pirmą naktį po sutvėrimo, visi gyvulėliai, kur katras gulėjęs, tokius ir plaukus apturėjęs. Tai tada ežys buvęs ant kalno. Pamatęs dieną auštant ir stebėjęsis į saulę tekančią – iš to ir palikę jo šeriai dygliuoti, žaruti*²⁰ ‘В начале, в первую ночь после творения, все животные, кто где лежал, такие и волосы заимел [на литовском тоже довольно неуклюжее слово – Д. Р., Т. Ц.]. Так еж тогда был на горе. Увидел он зарю [наступающего] дня и стал удивляться восходящему солнцу – от того и стала его щетина колючей, лучистой’.

*Galbūt kada pirmą kartą saulė tekėjo, tada kur koks gyvulėlis stovėjo arba gulėjo, tai tokius plaukus sau gavo, kaip va: ežys stovėjo [ant] viršaus kalno ir pirmiausiai pamatė saulės spindulių žarus, užtai jis visas tokiais smailiais žarais pasišiaušęs; katrie gulėjo ant samanų, tiems minkštos vilnos*²¹ ‘Может быть, когда в первый раз солнце восходило, тогда где какое животное стояло или лежало, такие себе волосы и получило, как вот: еж стоял [на] верху горы и первым увидел острые лучи солнца, поэтому он весь такой острой колючкой ошетинился; а которые лежали на мху, у тех мягкая шерсть’.

Здесь следует обратить внимание на неперебиваемую игру слов, непосредственно связанную с самой идеей сказания. Нейтральное название игл ежа, ели и т. п. в литовском – *spyglūs* (ед. ч.), а слово, обозначающее луч солнца (и луч вообще) – *spindulys*. В нашем сказании же, причем во всех его вариантах, употреблено (выделенное нами) слово *žāras*, имеющее весьма выразительный набор значений. Во-первых, это то же самое, что и ж. р. *žarà* ‘(утренняя, вечерняя) заря, зарево, сияние’ (этимологически соответствующее русскому *заря*²²). Во-вторых, *žarà* может также означать ‘горячий уголь’ (более обычное слово того же корня – *žarijā*) или ‘искру’, что, в свою очередь, составляет также второе значение слова *žāras*. Из приведенных в «Словаре литовского языка» примеров видны некоторые коннотации именно с ‘лучом’, если понимать последний как результат излучения, т. е. истечения света, огня: *Mačiau aitvarą visai ištisią lekiantį; iš jo pryšakio tryško ugningi žarai* ‘[Я] видел летучего змея всего в полете, спереди из него хлестали огненные брызги’ (из былички, записанной в середине XIX в. в Малой Литве В. Калвайтисом); *Pradēm iš jos burnos ugnies žarai tvino* ‘Беспрерывно из ее рта огненные брызги валили’ (из былички, записанной В. Калвайтисом там же). В-третьих же, слово *žāras* может означать просто ‘шип (у вил, остроги и т. п.), прут, сухой стебель (на стерне), хворостину и т. п.’²³ Следовательно, образы (восходящего) солнца, его острых лучей и «шипов» ежа сливаются в одном слове, в котором можно было бы видеть даже саму завязку данного фольклорного мотива. В таком случае предполагалось бы именно литовское или, по крайней мере, балтийское его происхождение.

Так, литовскому *žāras* в латышском языке отвечает *zars*²⁴ в основном регулярном значении ‘ветвь’, но также и ‘шип, зуб (у вил, грабель и т. п.)’. Это

слово, в свою очередь, появляется в описании образа лучей-ветвей с о л н ц а - дерева. По словам Янины Курсите, «во многих народных песнях лучи солнца непосредственно описываются как ветви солнца»²⁵, например:

*Aiziet Saule laizdamās,
Zelta zarus zarodama;
Dieviņ, dod tā zarot
Ar' manam augumam.*

LD 18135

‘Прячется солнце при заходе,
Золотыми ветвями ветвься;
Дай, Боже, также ветвиться
И моей особе.’

*Kupla liepa, zelta zari
Jūrmalā smiltienē,
Galā sēd Saules meita,
Pate Saule pazaros*²⁶.

LD 33826

‘Буйная липа, золотые ветви
В песку на морском берегу,
На вершине сидит Дочь солнца,
Само солнце под ветвями.’

Еще один аспект символики ежа – это его связь с идеей регенерации. Мария Гимбутене (Гимбутас) говорит, что в археологических ископаемых доиндоевропейских культур Европы нередко «Богиня возрождения предстает в зооморфном образе, символизирующем матку. Это рыба, лягушка, еж и бычья голова»²⁷. В данном случае нас интересует именно еж. «Хотя ежа, иглистого животного, не очень легко изобразить в глиняной скульптуре, в европейской иконографии он известен уже с V тысячелетия до н. э.: в культуре Каранова, на территории Румынии и Болгарии [!], найдены вазы в форме ежа, крышки которых имели антропоморфные черты Богини. В более позднее время вазочки в форме ежа и фигурки ежа найдены в захоронениях Микенской культуры XIV–XIII вв. до н. э., а также в греческих и этрусских IX–VI вв. до н. э. Встречаются и большие глиняные кувшины *pithoi* в форме ежа, в которых найдены скелеты маленьких детей. В этом отражается синтез трех родственных символов – могилы, матки и ежа. Вплоть до XX в. в Альпах в могилу клали иглистые, покрашенные в красный цвет шары, а женщины, имевшие проблемы с маткой, в костелах приносили их в жертву Марии. Мотив превращения ведьмы или старухи в хлеве в ежа зафиксирован в фольклоре, собранном в Литве в середине XX в.»²⁸

Такую точку зрения на основе данных латышского фольклора поддерживает и Я. Курсите. В подтверждение ею приводится, например, следующий отрывок из латышской сказки, мотив которой известен и в других традициях:

Vienam tēvam un mātei nebij neviena bērna. Reiz tie abi, aiz galda sēdēdami, runāja: „Kaut jele Dievs mums, mazākais, tādu bērniņu dotu, kā ezīti“. Tos vārdus izteicot, maza ezītis izlien no aizkrāsnes un saka: „Es esmu jūsu dēls!“ Vecie pieņēma ezīti un izaudzina»²⁹. У одного старичка и старухи не было ни одного ребенка. Раз они оба, сидя за столом, разговаривали: «Вот чтобы Бог нам хотя бы такого ребеночка дал, как ежик». Только они эти слова произнесли, как из-за печки вылезает маленький ежик и говорит: «Я ваш сын!» Старички взяли ежика и вырастили’.

По словам Я. Курсите, «плод Великой Первоматери в разных традициях, в том числе и в латышских сказках, предстает как в образе ежа, так и лягушки, червя, жабы, зайца и т. п. Здесь, видимо, ребенок в виде ежа означает зародыш, который и по выходе из тела Великой Первоматери до окончания инициации еще связан с нею. В то же самое время еж, как представляется, мог бы символизировать и саму первоматерь, ее вульву. В сатирических и неприличных народных песнях шкурка ежа, еж, по всей видимости, имеет аналогичные ассоциативные связи:

*Anniņai īsi svārki,
Eža ādu metināti;
Cik ezītis pakustēja,
Tik Anniņa stāvu lēca.*

LD 20509

‘У Аннушки короткая юбка,
Шкуркой ежа скрепленная;
Только ежик шевельнулся,
Аннушка аж подпрыгнула.’

*Čigānelis sav mātīti
Krūmu krūmus izvazāja,
Kālab agri nesacēja
Vecu ezi sutināt.*

LTdz 13912

‘Цыганок свою матушку
По всем кустам истаскала,
Почему [она] рано не встала
Старого ежа парить.’

В свадебных песнях невесту нередко называли ежихой, замужних женщин – матерями-ежихами [буквально матерями ежей, *ežu mātes*]. В свою очередь, в крестильных песнях повитухе (она во время крестин, может быть, воплощала первоматерь – заступницу новорожденного) под голову клали шкурку ежа:

*Šķirat ceļu, rūmējat,
Ezi veda istabā;
Neba ezi vienu veda,
Re, kur citas eža mātes!*

LD 18862

‘Прочь с дороги, разойдись,
Ежа вводят в комнату;
Неужели ежа вводят одного,
Вишь, где остальные матери-ежихи!’

*Es to savu nešu māti
Mīļi vien uženāju:
Ezīšam mīksta āda,
To paliku pagalvī.*

LD 1639

‘Я со своей матухой
Нежно обошелся:
У ежа шкурка –
Положил под голову.’

Место за печкой в представлениях латышей связано с женским производящим началом, недаром и в указанной сказке ежик вылезает из-за печки»³⁰.

* * *

Как бы там ни было, рассмотренные ассоциации, связанные с ежом, можно попытаться связать воедино. Итак, мы имеем ежа-помощника при сотворении мира, точнее, неба и земли, а именно земли, в коей роли, в свою очередь, ежа

может заменить черт. Независимо от оценочной интерпретации результатов совета ежа – гор и долин, появившихся на земле в результате ее зжания, еж здесь явно выступает в роли хтонического помощника Бога (если даже не его противника и соперника).

Выделяется и солярная ипостась ежа. Существенно, что восходящее солнце он встречает стоя на горе, а горы, как мы уже знаем, появились на земле именно в результате деятельности ежа. С другой стороны, еж, по меньшей мере, в литовской традиции, сам сопоставляется с солнцем – небесным светилом. Однако солнце, по мифологическим представлениям, как известно, встает из-под земли – как бы рождается Матерью-землей.

И далее этот чудесный плод Великой матери, красный иглистый шар, лучистый колобок «катится клубком» по небосводу – по склону космической Горы, на вершине которой еж, в созерцании солнца (преодолевая, так сказать, противопоставленность объекта и субъекта) сам становится солнцем. И хотя поэтический образ катящегося солнца-ежа, возникший в нашей реконструкции, непосредственно не засвидетельствован, он сам собой напрашивается из рассмотренных данных и, во всяком случае, не уступает древнеегипетскому образу жука скарабея, катящего по песку пустыни свое яйцо-солнце.

Как и сам еж, покатился по янтарному пути наш сюжет – как колючий колобок, популярный герой другой русской народной сказки. В каком направлении? Двигался ли он с Балкан, по дороге теряя собранное, или от Балтии, по дороге набирая новое? С юга на север, чтобы объяснить жителям более «ровных» стран возникновение и структуру земного рельефа? Или с севера на юг, чтобы объяснить то же жителям горных стран и взойти над вершинами гор в своей солнечной ипостаси?³¹ Трудно сказать. Но и тая в секрете историко-географическое происхождение народных сюжетов о себе, еж приносит на своих иглах не одну «виноградину» из нашего «мысленного виноградника».

¹ Исаия 34, 9, 11. Стоит отметить противопоставление горизонтали и вертикали, верха и низа, что существенно и вообще, и в связи с идущими далее мотивами, связанными с ежом.

² Белова О. В. Славянский бестиарий. Москва, 1999, с. 103–104.

³ Материалы ЭК ТЭ УрГУ (этнографическая картотека Топонимической экспедиции Уральского госуниверситета: Екатеринбург, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания). Сообщено Е. Л. Березович, за что приносим ей глубокую благодарность.

Записи осуществлены на крайнем западе Вологодской области в Белозерском районе, где чересполосно проживали русские и вепсы. Вепсы на этой территории в значительной степени «русифицированы», являются, как правило, билингвами; вепским языком пользуются редко, исключительно в быту. Записи осуществлены 15 лет назад, когда «вкрапления» вепсов были единичны; сейчас, думается, этнических вепсов на этой территории уже нет. Оба информанта – русско-вепские билингвы.

⁴ Деревня Коновалово, Белозерский район Вологодской области. Записано от А. И. Зубова на русском языке в 1987 г.

⁵ Поселок Мегринский, Белозерский район Вологодской области. Записано от Н. И. Тимофеевой на русском языке в 1987 г.

⁶ См.: Хангалов М. Н. Мифы космогонические и этиологические: Собрание сочинений, т. III. Улан-Удэ, 1960, с. 11–12. Сообщено С. Ю. Неклюдовым, которому мы приносим глубокую бла-

годарность. С. Ю. Неклюдов (в частном письме) предположил, что «бурятский миф, скорее всего, – от русских (старообрядцев? семейских? надо проверять). Во всяком случае, ни у монголов, ни у калмыков его, по-моему, нет».

⁷ «Библейские повествования о миротворении своеобразно уживались в народном восприятии с наследием дохристианских и апокрифических источников. Одна из наиболее заметных черт такого симбиоза дуалистичные в своей основе рассказы об участии дьявола в творении мира», говорится в комментариях к соответствующим преданиям, записанным на севере России. «Это происхождение гор из «выхаркнутой» морской птицей на первоначально ровную поверхность того остатка земли, который она утаила от Господа во рту, и которая начала расти: Она выхаркнула. И сделались от того горы по всей земле. А если бы она не утаила, то не было бы и гор. Это борьба Саваофа и Сатаны, где тот же мотив расширяется за счет их соревнования, причем Сатана гораздо более динамичен и инициативен, а Саваоф всегда «опаздывает» и спохватывается в последний момент» (ср. мотив битвы по каменной горе, отдаленно связанный с мотивом битвы земли для образования гор и др., см.: Народная проза. Сост. А. Н. Азбелева. Москва, 1992, с. 578–579, 453–454).

⁸ *B. Kerbelytė. Sakmės ir padavimai apie pasaulio kilmę. – Žmonės ir religija. Vilnius, 1977, p. 129–130.*

⁹ Там же; см. еще: *B. Kerbelytė. Типы народных сказаний: Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. Санкт-Петербург, 2001, с. 45 (1.1.1.17. Бог сотворил небо меньшим, чем земля. По совету ежика, Бог сжал землю – она стала неровной).*

¹⁰ *M. Eliade. Le Diable et le bon Dieu: L'histoire de la cosmogonie populaire roumaine. – M. Eliade. De Zalmoxis à Gengis-Khan. Paris, 1970, p. 90.*

¹¹ *Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase. Sastādītāja Alma Ancelāne. Rīga: Zinātne, 1991, 65 lp. Перепечатанно из: Latviešu pasakas un teikas. Pēc Anša Lerha-Puškaiša un citiem avotiem sakopojis un rediģējis prof. P. Šmits, sēj. I–XV. Rīgā, 1925–1937, sēj. V, 50 lp.; записал А. Лерхис-Пуškaitis. Это же сказание приводит P. Šmits: Prof. P. Šmits. Latviešu mītoloģija. Otrs pārstrādāts izdevums. Rīgā, 1926, 109–110 lp.*

¹² *Latviešu tautas teikas, 65–66 lp.; записал А. Клапкалнс в 1930 г.*

¹³ Там же, 66 lp. Перепечатанно из: *Latviešu pasakas un teikas, sēj. XIII, 13 lp.; записал М. Шиньш в 1891 г.*

¹⁴ Там же, 67 lp. Никакой дополнительной информации, кроме места записи: *Rīgas Birzgalē.*

¹⁵ См., например, *Latviešu tautas teikas, 64 lp.; Teikas par Dievu. Izlase. Rīga, 1929, 5 lp.*

¹⁶ *N. Vėlius. Chthoniskasis lietuvių mitologijos pasaulis. Vilnius, 1987, p. 44.*

¹⁷ *Kaip atsirado žemė: Lietuvių etiologinės sakmės. Sudarė ir parengė Norbertas Vėlius. Vilnius, 1986, p. 54, Nr. 83; J. Elisonas. Dievas Senelis: Pasakos apie negyvosios gamtos kūnų, augalų ir gyvulių atsiradimą ir taip pat apie Dievą Senelį, kuris kitą kartą po žemę vaikščiojo ir žmones gyvenimo mokė. – Mūsų tautosaka. Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius, t. IX. Kaunas, 1935, p. 88–89, Nr. 206.*

¹⁸ Показательно, что в то же время еж в Литве связан с Громовержцем Перкунасом, см.: *J. Balys. Raštai, t. I. Parengė R. Repšienė. Vilnius, 1998, p. 53.*

¹⁹ *Kaip atsirado žemė, p. 54, Nr. 84; Lietuvių tautosaka, t. IV: Pasakos. Sakmės. Pasakojimai. Oracijos. Paruošė L. Sauka, A. Seselskytė, N. Vėlius, K. Viščinis. Vilnius, 1967, p. 436, Nr. 358; см.: Lietuviškos pasakos. Surinko Jonas Basanavičius, t. I. Vilnius, 2001, p. 13; запись 1874 г.*

²⁰ *Lietuviškos pasakos, t. I, p. 33, Nr. I.17.*

²¹ *J. Balys. Raštai, t. III. Parengė R. Repšienė. Vilnius, 2002, p. 320, Nr. 228; Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai. Surinko Matas Slančiauskas. Vilnius, 1975, p. 124, Nr. 194; см.: Lietuviškos pasakos, t. I, p. 14.*

²² *M. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. Санкт-Петербург, 1996, с. 81; E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg–Göttingen, 1962–1965, S. 1290.*

²³ *Lietuvių kalbos žodynas, t. XX. Vilnius, 2002, p. 162–163; см. также соответственно: Lietuviškos pasakos. Surinko Jonas Basanavičius, t. II. Vilnius, 2003, p. 231, Nr. IV. 5; Iš gyvenimo vėlių bei velnių. Surinko Jonas Basanavičius. Vilnius, 1998, p. 262, Nr. 19; Lietuvių tautosaka, t. IV, 634, Nr. 706.*

²⁴ E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, S. 290; K. Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca, sēj. II. Rīga, 1992, 550 lp.

²⁵ J. Kursīte. Latviešu folklorā mītu spoguļi. Rīga, 1996, 74 lp.

²⁶ Цит. по J. Kursīte, там же.

²⁷ M. Gimbutienė. Senovės lietuvių deivės ir dievai. Vilnius, 2002, p. 159.

²⁸ Там же, p. 189.

²⁹ J. Kursīte. Latviešu folklorā mītu spoguļi, 33 lp.

³⁰ Там же, 34 lp.

³¹ Отдельный сюжет в балтийской (литовской) традиции – возникновение рельефа через сжатие, стискивание, комкание земли – но без участия ежа, см.: D. Razauskas. Dar kartą apie „sutvėrimą“. Papildoma „kūrybinės“ žodžio reikšmės motyvacija. – Liaudies kultūra, 2001, Nr. 1, p. 39–41.

Gauta 2004 10 26